

Артем ВАРГАФТИК:

Вечные ценности — это всего лишь затянущаяся мода

Несколько месяцев назад на канале «Культура» появился еженедельный проект под названием «Партитуры не горят». Оказалось, что о такой скучной и назидательной вещи, как классическая музыка, вполне можно рассказывать без занудства и пафоса. У людей, никогда музыкой не интересовавшихся, эта программа вызывает любопытство и уважение. У профессиональных меломанов зачастую — шок и негодование. С автором проекта — виолончелистом и музыкальным журналистом Артемом ВАРГАФТИКОМ побеседовала Екатерина БИРЮКОВА.

— Про скольких «несгораемых» авторов ты уже рассказал?

— Да человек двадцать уже. При этом есть три человека, которые в одну передачу не уложились, — Гайдн, Моцарт и Брамс. Первые передачи снимались в Москве. Теперь мы ездим их снимать на родину героев. И многие вещи мы просто впервые у нас на телевидении показываем. Скажем, Сан-Флориан — аббатство в Верхней Австрии, где Брукнер работал. Дом Брамса в Гамбурге — это мы покажем в апреле. Лестницу в Зальцбурге, с которой Моцарт навернулся, когда его увольняли.

— То есть никакого просветительского пафоса.

— Пафоса точно нет. Ты меня ради бога извини, но я этого вообще не переносу. И, я думаю, что момент просветительства тоже отсутствует. Просветитель ведь исходит из того, что есть вещи, которые стыдно не знать. А я как только начинаю что-то подобное говорить, очень себя неловко чувствую. Мне приходилось преподавать, и я никогда не мог себя заставить сказать: «Ну, что же, ребята, вы не знаете, сколько Бах написал сюит для виолончели соло?» Рассказать им так, чтобы они сами захотели это знать, — вот это может быть. Классическая музыка — это вещь, которая возникла только в принудительном порядке. Все люди, с которыми я обсуждал этот проект еще до того, как он начался, говорили одно и то же: «Чтобы только, не дай бог, не было похорон генерального секретаря». Практически это означает, что люди которые скоробно или, наоборот, очень шустро двигают смычками в кадре больше одной минуты, — это крими-

нал. Это выключают независимо от того, что там звучит.

— И как ты с этим справляешься? Как увязываешь классическую музыку с клиповым сознанием современного телезрителя?

— Мы пытаемся создать на экране такой ассоциативный ряд, который чуть-чуть уводит бы музыку от того принудительного уважения, которое она должна вызывать. И, с другой стороны, показать, что классическая музыка — это не только мотивчик, не только форте или пиано. Там всегда имеется контекст, атмосфера и жизнь.

— Следишь за рейтингом?

— Откровенно говоря, ни одной цифры не знаю. Для меня вообще полная загадка, из каких соображений это смотрят или не смотрят люди. Я сам не представляю себя телезрителем. Я не могу судить, насколько это хорошо или плохо. Но если в этой истории искать что-то новое, то оно, думаю, заключается в следующем: никто еще вслух, публично не задавался вопросом, откуда вся эта музыка берется. А это, по-моему, в ней самое интересное. Это темное пятно, которое всегда всех смущает. Профессионалы, которые нас с тобой учили, имеют дело уже со свершившимся фактом. И у них смещается перспектива — из прямой становится обратной. Сказать, что «Сальери — это мелкая сошка эпохи Моцарта», это то же самое, что «Брежнев — мелкий политический деятель эпохи Жванецкого». Не было никакой эпохи Моцарта! Ребята, вы чего? И любимое объяснение, как так произошло, что Моцарт что-то интересное написал: «Так это ж Моцарт!» Вот, собст-

венно, и все. Я думаю, что объяснения надо давать другие. Причем человеческим языком.

— С музыкой по части человеческого языка самая большая проблема. Потому что сразу встает препятствие в виде нотной грамоты.

— Если говорить о музыке, как о строгом ремесле, то да. Потому что тогда объяснять, как из семи греческих ладов появились мажор и минор, приходится на пальцах. Но, понимаешь, это история ремесла. Это искусство само для себя. Это, скажем, как искусство часовщиков. Там тоже ведь масса всего интересного. Но мы-то имеем дело с результатом, и внутренняя история нас уже не шибко беспокоит. А я пытаюсь рассказывать то, что выходит за рамки этого часового механизма. И тут необязательно понимать нотную грамоту. Надо просто признать, что все это не имеет божественного происхождения. Все это делается людьми, которые просто хотели что-то придумать или что-то выгодно продать, у некоторых из них даже были не слишком благовидные цели. Но они двигали дело вперед.

— Мы перешли к самой опасной теме. Люди не любят, когда разбивают их кумиров. Общественность, помнится, была сильно взбудоражена твоей передачей про Вагнера. Ты скандалист?

— Я скандалить не умею. Я просто сообщаю какие-то сведения и связываю их между собой. Если меня интересует, откуда взялся Вагнер, то надо понимать, что это не два человека, и не десять. Я прекрасно понимаю, что говорю вещи, которые неприятно слушать. Но у меня нет кумиров. Я просто не знаю, чем я обязан этим ребятам, которые висят на портретах в музыкальных школах. У меня никакого неоплатного долга перед ними нет. И у телезрителей, кстати, тоже. Но мне они интересны. Мне кажется, это более здоровый подход.

— Если Вагнер и Моцарт были такими же людьми, как и все, что же про них столько говорят?

Известия — 2002 — 23 марта — с. 9.

ОЛЕГ КОЧУБЕЙ

— Я сначала тоже думал, что если партитуры такие несгораемые и вечные, то, значит, мы имеем дело с супернеобычным человеком. Но всякий раз, когда начинаешь что-то раскапывать, понимаешь, насколько все это несправедливо. Один становится по прошествии веков суперпопулярен, а другой остается «мелким политическим деятелем». На две трети — это случайность, от самих композиторов, как правило, не зависящая. Это работа продюсеров, исторический случай и т.д. В 1829-м в Берлине Мендельсон исполнил «Страсти по Матфею». Ведь не только до этого в культурном обиходе такого понятия, как Бах. А Мендельсон выступил как его промоутер. И тежит еще

достаточно большое количество культурных ценностей. Даже в России.

— Например?

— Николай Яковлевич Мясковский. 27 симфоний. Он есть только в учебниках. Но его не играют. С Малером тоже такая история была. У каждого, даже бесспорного гения все равно должен быть свой продюсер, который создает эту «несгораемость», эту легенду, этот светлый образ. Потом светлый образ каменеет и превращается в идола. Людям, конечно, не впаривают неликвидный товар. Я же не говорю, что Моцарт хуже, чем другие. Но я исхожу из того, что есть еще пять-шесть авторов, которые ничуть не хуже Моцарта.

— Допустим. Но чем ближе к нам, тем, наверно, сложнее найти пару-тройку Малеров.

— Недавно нашли. Приобретение последних времен — Александр фон Цемлинский. Маленький такой Малерок, но тоже кое на что претендует. Сейчас его исполняют по всему миру. То, что люди называют вечными ценностями, это на самом деле затянущаяся мода. Мы же не знаем, что будет с Бахом через сто лет — может про него все опять забудут. Поэтому я и предлагаю людям посмотреть на музыку не с той стороны, с какой они привыкли. Потому что оттуда, откуда привыкли, уже мало чего видно. Но если кто-то всю жизнь хочет смотреть на портреты, бюсты и иконы, то я тут ему не помощник.